

АКСЕЛЬ
ПЕТЕРМАНН

ПО СЛЕДАМ ЗЛА

ПРОТЧЕТЫ ПРОФАЙЛЕРА

СПУСТЯ ГОДЫ ОН ВЗЯЛ
ИНТЕРВЬЮ У ПОЙМАННЫХ
ИМ УБИЙЦ, ЧТОБЫ ЛУЧШЕ ПОНЯТЬ
ПРИРОДУ ЗЛА

18+

Аксель Петерманн
По следам зла.
Отчеты профайлера
Серия «Портрет психопата.
Профайлер о серийных убийцах»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68559990

По следам зла. Отчеты профайлера:

ISBN 978-5-04-178573-4

Аннотация

Главный инспектор Аксель Петерманн 40 лет прослужил в криминальной полиции и расследовал более 1000 дел, связанных со смертью или увечьями. Он изучил передовые методы работы ФБР и успешно внедрил профайлинг в Германии. Спустя годы Петерманн взял интервью у пойманных им убийц, чтобы лучше понять природу зла. Это реальные истории, от которых стынет кровь и разыгрывается воображение.

Хладнокровный серийный убийца; изуродованное тело женщины в полиэтиленовом пакете; смерть интимных партнеров... В этой книге Петерманн описывает свои самые сложные расследования. Шаг за шагом он раскрывает методы работы профайлеров и объясняет, что говорят о психике преступника следы на месте преступления.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие	7
1	18
Страшная находка	18
Веселая Агнес Брендель	29
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Аксель Петерманн

По следам зла.

Отчеты профайлера

Axel Petermann

AUF DER SPUR DES BÖSEN: EIN PROFILER
BERICHTET

© by Ullstein Buchverlage GmbH, Berlin. Published in 2010
by Ullstein Taschenbuch Verlag

© Калинина Л.В., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

«Все решают детали. Упустишь их из виду – считай, проиграл. Если не понимаешь, на что именно нужно смотреть, то ничего и не увидишь. Это как сходить на экскурсию в древнюю египетскую гробницу: ты видишь, что стены покрыты иероглифами. Зная язык, синтаксис и грамматику, можно прочесть эти послания и узнать больше о людях, построивших гробницу. Но для тех, кто не в состоянии прочитать написанное, эти узоры – просто красивые картинки на стене, они не несут никакого значения. Или, что еще хуже, их можно и вовсе трактовать неправильно и прийти к совершенно бессмысленным выводам».

Пол Бриттон, криминальный психолог и профайлер

Случаи, описанные в книге, являются реальными. Все имена людей и названия мест происшествий вымышлены. Любые совпадения случайны.

Предисловие

Я не могу ответить на вопрос, что такое зло, хотя начиная с 1970 года почти постоянно по работе имею дело с убийствами, жертвами преступлений и преступниками, с виной и искуплением. Я начинал работать на разных должностях в отделе по расследованию убийств, а с 1999 года работаю аналитиком, или так называемым профайлером.

Первым, кто пытался объяснить мне, что такое зло, был один пастор. Он так волшебным образом со знанием дела рассказывал про рай, грехопадение, ад и дьявола. Но я уже тогда не верил в сказки. Позднее, когда мы в школе проходили «*Фауста*», наш учитель силился объяснить нам, что в образе Мефистофеля Гёте показал, что такое зло, «зло абсолютное». Но и это меня не убедило. Для меня Мефистофель до сих пор является чем-то вроде современной литературной версии дьявола из занятий для конфирмующихся, таким злом, которое не имеет никакого отношения к настоящему злу в реальности. Много лет спустя я как-то встретил своего учителя. Он заинтересовался, кем я работаю. Я честно ответил: «Я детектив по расследованию убийств». – «Ага, значит, ходишь по следам зла!» – бойко произнес он.

Вы, наверное, удивитесь, но когда в 1970 году я, молодой стажер, пришел в дежурный полицейский отряд, я не осознавал, что моя будущая профессиональная деятельность будет

почти исключительно связана с убийствами. Со своей неказистой внешностью я никак не вписывался в образ типичного полицейского и больше всего желал тогда одного – не попасть на военную службу, поскольку полицейских от нее освобождали. Однако когда позже мой преподаватель криминалистики, бывший начальник отдела по расследованию убийств, захватил мое внимание своими различными рассказами о реальных убийствах, совершенных в Бремене, я быстро принял решение и тоже захотел стать детективом по расследованию убийств.

Сегодня мне уже сложно точно сказать, что именно меня тогда так привлекло в этой идее: был ли это мой юношеский энтузиазм? Притягательность и таинственность преступления? Поиск истины? Может быть, все это понемногу. Несколько лет спустя, пройдя дополнительное обучение, я, как и хотел, попал в отдел по расследованию убийств. Решение, о котором я ни разу не пожалел, потому что не могу себе представить более автономной, ответственной и многогранной работы – еще и потому, что она почти всегда связана с самыми темными сторонами человеческого поведения.

Закон различает зло большое и маленькое. И прокуроры, которые выступают со стороны обвинения, надеются, что я дам им возможность оценить, какое именно зло перед ними – большее или меньшее. Именно в этом была и есть моя работа как следователя и профайлера.

Я не спросил тогда своего учителя, что он имел в виду под фразой «по следам зла». Да я и не уверен, что получил бы удовлетворяющий меня ответ. Наверняка каждый из нас имеет о понятии «зло» какое-то смутное представление, но вот попроси объяснить, что такое зло на самом деле или как оно возникает, – мало кто сможет четко сформулировать ответ.

К счастью, я не ищу точного ответа на этот вопрос, иначе у меня просто не останется времени на то, чтобы выполнять свою работу. Я предпочитаю придерживаться формулировки, которая не является особенно философской и не содержит какого-то духовного или поучительного смысла: «Что такое “плохо”, описано в Уголовном кодексе. Это уже хорошо». Это всего лишь фраза из сборника поговорок криминальной полиции, но она является хорошей и понятной основой нашей работы – при условии, что вы живете и работаете в демократическом правовом государстве.

В немецком Уголовном кодексе добро и зло не рассматриваются категорично – как черное и белое. В нем конкретный способ убийства влечет за собой конкретное наказание. Приговор за умышленное убийство суровее, чем за непредумышленное. Уголовный кодекс также очень внимательно рассматривает мотивы преступления. Убийца, совершивший свой поступок из жажды наживы, отличается от убийцы, который пошел на преступление в целях самообороны. Проще говоря: закон различает зло большое и маленькое. И

прокуроры, которые выступают со стороны обвинения, надеются, что я дам им возможность оценить, какое именно зло перед ними – большее или меньшее. Именно в этом была и есть моя работа как следователя и профайлера: формулировать точные факты о жертвах, преступниках, ходе, обстоятельствах и мотивах преступления.

Уже в течение многих лет от девяноста до девяноста пяти процентов всех убийств, совершаемых в Германии, раскрываются за очень короткое время – нередко в этот же день. Часто это преступления, совершенные знакомыми людьми. В основном преступники входят в круг близких и родственников потерпевшего. Преступники оставляют на месте преступления телесные следы, которые сегодня гораздо легче идентифицировать, чем раньше: кровь, слюну, сперму. Быстрее выслеживать убийц и других жестоких преступников помогают, в частности, биология с ее, кажется, неограниченными возможностями анализа ДНК, и современная судебная медицина. Например, крошечного количества биологического следа преступника сегодня достаточно, чтобы идентифицировать его.

Но как быть с делами, в которых, несмотря на интенсивное расследование и постоянно совершенствующиеся научные методы, эти телесные следы присутствуют, но вот преступление все равно никак не удается раскрыть? Как быть с теми убийствами, в которых, как предполагается, между

жертвой и преступником не было никаких отношений? С убийствами, где иногда поведение преступника является таким странным и необъяснимым, что мотив становится очевидным не сразу?

Однако прежде чем я расскажу вам об этих делах подробнее, сделаю несколько общих замечаний по одному важному вопросу: об отношениях между сотрудниками отдела по расследованию убийств и профайлерами.

Сотрудники отдела по расследованию убийств, имея дело с нераскрытыми делами, работают в условиях сильнейшего стресса: завышенные требования к себе, внутреннее и внешнее давление. Понятно, что есть место преступления и труп, оттого и много объективных улик. Однако для начала жертву нужно идентифицировать, и иногда это дается с трудом. Тогда следователи тратят много времени на сбор сведений о ее личности путем опроса свидетелей и проведения следственных мероприятий. Кроме того, оценка улик может занять несколько дней, а иногда и недель. Тем не менее отдел по расследованию убийств с самой первой минуты работает «по горячим следам»: это означает, что нужно внимательно относиться к каждой улике – и пусть картина преступления пока неполная, а иногда и вовсе отсутствует понимание того, что именно произошло. Хотя в отделе по расследованию убийств имеется множество версий, часто сложно понять, есть ли среди них правильная. Во всяком случае, я

не раз сталкивался с тем, что на аналитический анализ преступления при «работе по горячим следам» просто не остается времени.

Именно для таких случаев и предусмотрено привлечение аналитиков со стороны. Они не участвуют в повседневных мероприятиях по расследованию убийств, отчего у них есть больше времени на изучение связей, разработку теорий и создание психологических портретов.

Затем результат анализа выливается в рекомендации по расследованию, которые отдел по расследованию убийств может, но не обязан выполнять. Однако для того, чтобы это произошло, я как профайлер сначала должен обосновать свои выводы путем анализа и последующей презентации их отделу по расследованию убийств. Но готовы ли следователи, которые долгое время работали над этим делом, отказаться от своих идей и принять чужие?

Когда я сам работал следователем, то был рад услышать мнение со стороны. Для меня нестандартное мышление, обращение к экспертам из других дисциплин и учет их мнения с самого начала были частью профессиональной работы. Как аналитик я, естественно, ожидаю, что следователи, с которыми я должен сотрудничать по работе, будут иметь такое же отношение. Однако если следователь считает аналитиков далекими от практики теоретиками, то у меня мало шансов донести до него свои выводы.

И наоборот, от моего усердия, от понимания специфи-

ки работы следователя и от возможности осуществить мои предложения также зависит, будут ли приняты результаты анализа и будет ли наше сотрудничество плодотворным. Профайлера, который ставит себя выше только из-за того, что он занимается напряженной исследовательской работой и позволяет своему коллеге чувствовать это, по праву не воспримет никто всерьез.

По сути, главное, что мне помогает в аргументации, – это скрупулезный анализ поведения преступника и ответ на вопрос, почему преступник действовал именно так, а не иначе, – это и есть так называемый профайлинг. Кем была жертва и какие эпизоды преступления были особенно важны для преступника?

Но в этой работе нужно быть осторожным. Улики не всегда легко интерпретировать. В то время как преступник во время преступления реализует свои индивидуальные потребности, чувства и фантазии, следы различных преступлений могут походить друг на друга, хотя каждый преступник принимает решения исходя из своих собственных мотивов. Поэтому интерпретация улики иногда похожа на прогулку по лабиринту, потому что истинная причина поступка известна только одному преступнику, да и это далеко не факт.

Иногда, для того чтобы предложить определенное направление в расследовании, мне бывает достаточно просто установить определенную манеру поведения, характерную именно для этого преступника.

В своей работе я должен учитывать еще один аспект: решающее значение имеет не только внимание к отдельным деталям, но и совокупная картина улик. В США профайлинг уже давно и успешно применяется на практике, в то время как в Германии этот термин лишь совсем недавно получил широкое распространение. Немецкий профайлинг – это запоздалый импорт криминалистического метода из США. Еще в середине 1970-х годов сотрудники ФБР в Национальном центре анализа насильственных преступлений (National Center for the Analysis of Violent Crime) начали расследовать убийства, в которых преступники демонстрировали необычное поведение, которое не могли объяснить криминалисты: осквернение трупов, расчленение тел, гипертрофированное применение силы.

Если раньше криминалистический подход у меня был такой: «Кто это сделал?» – то теперь я стал спрашивать себя: «Что значит это конкретное поведение преступника?»

Первые ответы на эти вопросы появились после бесед с тридцатью шестью осужденными серийными убийцами, которые объяснили, почему они убивали определенным образом и что ими двигало. В 1999 году я тоже стал интересоваться этим методом – к тому времени я уже был заместителем начальника комиссариата по тяжким преступлениям; и если раньше криминалистический подход у меня был такой: «Кто это сделал?» – то теперь я стал спрашивать себя:

«Что значит это конкретное поведение преступника?»

Мне не давала покоя мысль о том, что если ввести в практику оценивание такого поведения, то станет возможным не только восстанавливать события произошедшего, но и определять мотив преступника и создавать его психологический профиль, который, подобно отпечатку пальца, смог бы описать его личность. Сегодня я знаю, что этот подход, пусть даже он и не в силах ответить на все мои вопросы, является принципиально правильным.

Как аналитик я исхожу из того, что на каждом месте преступления есть улики, которые можно использовать для создания образа преступника, его профиля. Криминалистический подход, который с годами становится для меня все более важным, состоит в том, чтобы ответить на вопрос: что именно произошло во время преступления и почему все случилось именно так?

Тот факт, что около девяноста процентов всех убийств в Германии раскрываются довольно быстро, не говорит о том, что для раскрытия других дел требуется просто немного больше времени. Прежде всего это означает, что не все дела раскрыты, по крайней мере пока. Грубо говоря, могу сказать, что одной из важнейших задач профайлеров является как раз раскрытие таких дел.

Как мы пытаемся это сделать? Мы берем в работу дело уже тогда, когда у нас есть только жертва, но нет непосредственных подозреваемых, и есть только один свидетель, ко-

торый тоже молчит: место преступления. Мы анализируем его гораздо более детально и оперативно, чем это было принято делать раньше в немецкой криминалистике. Но мы, аналитики, не работаем в одиночку: судебные медики, психологи, психиатры и эксперты из самых разных областей помогают нам в работе, в результате чего постепенно прорисовывается многослойная, междисциплинарная картина преступления, а профиль преступника получает оценку с нескольких точек зрения. Для меня это часть нашей профессиональной деятельности. Поиск преступника – это уж точно не моноспектакль.

Вы прочтете рассказы о двенадцати преступлениях из моей профессиональной практики. Я не скрываю неверные пути, ложные результаты расследования или личные сомнения. Я хочу дать вам возможность своими глазами заглянуть за кулисы реального следствия и профайлинга.

В этой книге, состоящей из пяти глав, я рассказываю о своей работе криминалистом – частично в качестве детектива по расследованию убийств, частично в качестве профайлера. Вы прочтете рассказы о двенадцати преступлениях из моей профессиональной практики, о старых делах, которые я вел в самом начале моей работы, и о новых. Естественно, имена, время событий и места были изменены, чтобы обеспечить анонимность пострадавших. Но я поборол в себе искушение повисить читательский интерес к описанным слу-

чаям путем их приукрашивания или выдумок. Я также не скрываю неверные пути, ложные результаты расследования или личные сомнения. Потому что это все часть моей работы. В конце концов, я не хочу позиционировать себя здесь как никогда не ошибающегося «профайлера-звезду». Я скорее хочу дать вам возможность своими глазами заглянуть за кулисы реального следствия и профайлинга. Еще больше я не хочу встать между делами и вами, дорогие читатели. Вместо этого я хотел бы познакомить вас поближе со своими мыслями и выводами во время расследования и с описанием профилей преступников путем подробного и живого рассказа об обстоятельствах преступления и причастных к нему людях. В конце концов, речь идет о проблеме столь же важной, сколь и сложной: о поведении человека.

Однако думаю, вряд ли после прочтения этой книги вы сможете ответить на вопрос, что такое зло. Боюсь, это будет сделать еще сложнее, чем сейчас...

Аксель Петерманн, март 2010 г.

1

Тело

О чем говорят раны жертв?

Страшная находка

Новый год только начался. Во время большой перемены несколько мальчишек играют в футбол во дворе своей школы в западной части Бремена. Один из них бьет по мячу, который летит мимо ворот. Мяч катится мимо двух больших мешков для мусора. Только они не похожи на обычные мешки, наполненные мусором. Их контуры скорее напоминают очертания человеческого тела. Может, это манекен? Мальчишкам становится любопытно, они хотят узнать, что же там лежит. То, что они видят, подойдя поближе, заставляет их застыть от ужаса. Это не кукла, а обнаженное и изуродованное тело женщины. У трупа нет ни головы, ни рук и ног.

Я не знаю, как долго мальчишки простояли там, в ужасе разглядывая свою страшную находку. Однако один из них в конце концов добежал до коменданта школы. Ему показали находку, и тот сразу же набрал номер полиции. Служба спасения направила к школе патрульную машину, чуть поз-

же два офицера оцепили место происшествия, записали личные данные детей и коменданта и проинформировали криминальную оперативную группу. Те, в свою очередь, уведомили судебных медиков, прокуратуру и криминалистов. И конечно, убийный отдел. Вот так более двадцати пяти лет назад это дело попало ко мне.

В то время я работал в отделе по расследованию убийств всего около трех лет. Это было мое первое крупное дело в должности так называемого главного специалиста. Вообще у меня уже был некоторый опыт работы с убийствами, потому что в то время у нас в Бремене было от пятнадцати до двадцати дел в год. Чаще всего убийства совершались во время ссор в семье, или между партнерами, или после распития алкогольных напитков.

В тот самый день я вообще-то хотел взять выходной, но ничего из этого не вышло: нужно было ехать на место обнаружения тела, чтобы составить представление о произошедшем, рассмотрев все с самого близкого расстояния, и наметить первичное направление расследования. Я подъехал на машине к месту преступления, оцепленному по широкому периметру. Новость об обнаружении трупа уже распространилась как лесной пожар. Многочисленные зеваки и представители прессы стояли за ограждением, надеясь на сенсацию и свежую информацию. Судмедэксперт уже был на месте, ожидая возможности осмотреть труп. Оперативники фотографировали изуродованное тело женщины, место его

обнаружения и окрестности. Мои коллеги по убийному отделу уже принялись расспрашивать жителей соседних домов на предмет того, не замечали ли они в последнее время что-то необычное или подозрительное.

По собственному опыту я знал, что большинство преступников не сильно беспокоятся о трупе после убийства: они оставляют его на месте преступления и часто думают только о побеге. Но есть и другие преступники...

Как только я вышел из машины, коллега ввел меня в курс дела. Затем я сам принялся осматривать тело. Возможно, мои наблюдения уже помогут сделать какие-то выводы о преступнике.

Преступник постоянно принимает решения. Сначала он планирует преступление, выбирает жертву, место и время преступления, оружие, способ убийства, а затем думает, как избавиться от трупа. По собственному опыту я знал, что большинство преступников не сильно беспокоятся о трупе после убийства: они оставляют его на месте преступления и часто думают только о побеге. Но есть и другие преступники, которых я тоже встречал во время своих расследований, — они поступали с телом по-разному: например, прикрывали его чем-то, подвергали сексуальному насилию, вставляли различные предметы в отверстия туловища, иногда перевозили его с места преступления в другое место или прятали. Даже беглого взгляда на место происшествия мне хватило,

чтобы предположить следующее: наш преступник не особо старался спрятать свою жертву и оставил труп на подъездной дорожке к школе менее чем в двадцати метрах от дороги. Очевидно, он даже не пытался спрятать тело. Оно не могло находиться там долго, потому что школа расположена посреди жилого массива, а во дворе валялись петарды, которые взрывали в новогоднюю ночь. Такое поведение преступника свидетельствует о том, что он действовал в сильной спешке. Как и где сбросить тело, для него не имело значения. Важным было только то, что мертвая женщина не должна была оставаться там, где он ее убил.

Туловище женщины было помещено в два больших синих пластиковых мешка, каждый из которых был затянут на уровне плеч и культей ног мертвой женщины. Пластиковые пакеты были самым обычным товаром, продаваемым в любом супермаркете или хозяйственном магазине, поэтому они никак не помогали нам в расследовании.

Сильный ветер сорвал мешки, обнажив изуродованное тело. Они, должно быть, долго лежали под дождем, потому что на них собралось около литра воды. Эта находка была первой попыткой определить время, когда труп появился здесь. Позже из офиса я позвонил в Гидрометеослужбу и узнал, что накануне с 18:10 до 2:20 шел сильный дождь. После этого осадков не было.

Смотреть на трупы было для меня привычным делом, но такого изуродованного и оскверненного

женского тела я не видел еще никогда.

Смотреть на трупы было для меня привычным делом, но такого изуродованного и оскверненного женского тела я не видел еще никогда. И хотя, увидев мертвую женщину, я с нетерпением принялся изучать все детали, мне было сложно не думать о страданиях жертвы и заставлять себя смотреть внимательнее. У меня сразу же возникли вопросы: «Кто мог такое сделать?» и «Зачем преступник так изувечил труп женщины?» Сегодня я бы не позволил себе так проникаться чувствами к жертве. После более чем тридцати лет работы следователем, детективом по расследованию убийств и профайлером мне удастся отключать эмоции и просто концентрироваться на фактах.

Я склонился над трупом и детальнее осмотрел увечья. Голова мертвой женщины отсутствовала. Груды и лобок были вырезаны. От ее шеи, рук и ног остались лишь культы. На том, что осталось от ее шеи, отчетливо видны царапины и гематомы. Женщина, вероятно, была задушена.

Результат поиска улик оказался неутешительным: криминалисты не смогли обнаружить никаких следов, которые могли бы принадлежать преступнику: ни окурков, ни оброненных предметов, ни следов шин или ботинок на сырой земле. Хотя последние, если они и были, уже уничтожил сильный ночной дождь. Обыск на территории школы также не увенчался успехом. Не было обнаружено ни недостающих частей тела погибшей, ни одежды, ни личных вещей.

Все это ставило нашу команду по расследованию убийства в незавидное исходное положение для раскрытия этого преступления. Итак, что мы имели:

- *У НАС БЫЛО ТОЛЬКО МЕСТО, ГДЕ БЫЛО ОБНАРУЖЕНО ТЕЛО, А ГДЕ БЫЛО МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ, МЫ НЕ ЗНАЛИ.*
- *ТЕЛО БЫЛО ИЗУРОДОВАНО, ЧТО ЗНАЧИТЕЛЬНО ЗАТРУДНЯЛО ЕГО ИДЕНТИФИКАЦИЮ.*
- *НЕ БЫЛО НИКАКИХ ПРЕДМЕТОВ, КОТОРЫЕ МОГЛИ БЫ ПОМОЧЬ НАМ ИДЕНТИФИЦИРОВАТЬ ЖЕРТВУ И НАЙТИ ПРЕСТУПНИКА.*

У нас был труп без головы, рук и ног, изувеченный в области груди и лобка.

Так сильно увечат трупы крайне редко – не только в Бремене, но и во всем мире. За три десятилетия у меня самого было всего пять подобных дел.

Когда преступники калечат человека или уродуют труп, они никогда не делают это случайно. Во всех случаях ими движет особая потребность или внутреннее побуждение. Это тоже важно для расследования. Кроме мотива преступления нам нужно выяснить и мотив нанесения увечий.

Описанный в этой главе случай поможет вам увидеть подробную картину того, как именно происходит поиск преступника в такой ситуации. Вы станете свидетелями подроб-

ного допроса и даже сможете «поприсутствовать» в зале суда, ведь выводы экспертов и судей также являются частью общей картины преступления. Только комплексный взгляд на событие показывает, насколько сложным является расследование каждого отдельного преступления. Только так появляется понимание того, что люди упрощенно называют злом и подвергают осуждению.

На месте обнаружения трупа отсутствовали видимые следы преступника, у потерпевшей отсутствовала голова, а значит, и лицо, которое мы могли бы сфотографировать и начать поиск. Что это означало для нас? Что для того, чтобы получить хоть какие-то зацепки для установления личности потерпевшей и мотивов преступника, нам нужно дождаться результатов судебно-медицинской экспертизы. Помимо прочего, вскрытие должно показать, какие именно телесные повреждения и увечья преступник нанес своей жертве и когда он это сделал: когда она была еще жива, то есть они были прижизненные, или уже после убийства, то есть посмертные. Я надеялся, что ответы на эти вопросы помогут определить причины того, зачем преступник так изуродовал тело.

Но сначала я сконцентрировал все свое внимание на установлении причины смерти и опознании убитой и изуродованной женщины. Поэтому отдал приказ специальным службам отвезти тело с места обнаружения в отделение патологии. Там судмедэксперт в моем присутствии начал вскрытие

трупа.

На теле женщины были обнаружены следы удушения на шее, кровоподтеки в области щитовидной железы и гиперинфляция (чрезмерное расширение) легких. Эти результаты вскрытия позволили предположить, что смерть наступила от удушения.

Края ран на культиях выглядели так, как будто голову и конечности ампутировали ручной пилой, причем делал это явно непрофессионал. В дальнейшем микроскопическое исследование покажет, что преступник совершил не менее сорока движений пилой, прежде чем ему наконец удалось перепилить кости.

И еще одна особенность бросилась в глаза: отсечение головы, похоже, далось преступнику нелегко. Многочисленные поверхностные и параллельные порезы на шее жертвы свидетельствовали о том, что преступник, должно быть, колебался, прежде чем отпилить голову. Такие осторожные попытки называются пробными порезами. На мой взгляд, именно ими преступник словно расписался в собственной неуверенности. Мне это знакомо. Так ведут себя самоубийцы – сначала они совсем нерешительно и неглубоко режут сосуды шеи или запястья и только потом наносят себе окончательные, смертельные порезы или проколы.

Такие осторожные попытки называются пробными порезами. На мой взгляд, именно ими преступник словно расписался в собственной неуверенности.

Преступник также не пощадил грудь и наружные половые органы своей жертвы. Он вырезал их острым ножом – очень аккуратно и тщательно.

Помимо вышеописанных увечий, имелись и другие.

В том месте, где изначально была правая грудь жертвы, обнаружено ножевое ранение, равно как в нижней части живота и на левом бедре. Установить, когда именно были нанесены ножевые ранения в верхнюю часть туловища – до или после смерти, – не удалось. Однако все остальные травмы можно было определить как посмертные.

Кроме того, преступник совершил сексуальное насилие над своей жертвой: травмы ануса свидетельствовали о проникновении тупым предметом, а во влагалище мертвой женщины была обнаружена сперма. Вскрытие и лабораторное исследование спермы не помогли установить, когда был совершен половой акт – до или после преступления.

Итак, причина смерти была установлена, и теперь задачей вскрытия было обнаружить физиологические особенности, по которым можно было бы идентифицировать женщину. Как и в случае со всеми убийствами, мне было важно знать, кем была эта изуродованная жертва. Тогда дальнейшее расследование могло дать ответы на важные вопросы: где она жила? Какими были ее личные и семейные обстоятельства? Когда и где ее видели в последний раз? Как она проводила свое свободное время?

При расследовании убийств ответы на эти вопросы дают, с

одной стороны, родственники, нынешние или бывшие половые партнеры, а также друзья, знакомые, коллеги или партнеры по бизнесу. Очень часто преступник оказывается среди них. С другой стороны, знание местонахождения жертвы в момент преступления также может помочь нам, если убийство было совершено совершенно незнакомым человеком. Потому что место, где началось преступление, естественно, также дает нам информацию о преступнике.

На этом этапе расследования я надеялся, что нам удастся установить, в каких отношениях состояли между собой преступник и жертва. В противном случае нам придется прорабатывать множество улик против множества потенциальных преступников. А это все равно что искать иголку в стоге сена.

После вскрытия удалось установить следующее: женщине было около пятидесяти лет, она никогда не рожала детей и была довольно низкого роста, всего около 145 сантиметров ростом, имела горб и была относительно полной. Невысокий рост объяснялся искривлением позвоночника. Судебно-медицинский эксперт нашел еще одну примечательную особенность ее организма – сильно увеличенная щитовидная железа образовывала бросающийся в глаза зоб.

Результаты вскрытия дали нам надежду на то, что жертву удастся быстро опознать. Такая необычная особенность внешности должна была непременно броситься кому-нибудь в глаза. Так оно и вышло. Мои коллеги побывали в забега-

ловках, расположенных недалеко от места, где был найден труп, и их поиски увенчались успехом. Несколько владельцев и посетителей различных баров предположили, что под описание подходит 50-летняя Агнес Брендель, безработная, живущая на социальные пособия.

Веселая Агнес Брендель

Агнес Брендель в среде барных завсегдатаев имела репутацию веселой, компанейской женщины, которая любила выпить, но редко делала это на свои деньги. Из-за чудаковатого поведения и необычной внешности в районе и в пивнушках считали, что она не от мира сего. В последние несколько дней Агнес никто не видел, хотя раньше она регулярно посещала различные забегаловки. Эти показания совпадали с результатами токсикологического теста, которые я только что получил, – у убитой женщины был обнаружен уровень алкоголя в крови, равный 2,7 промилле. Должно быть, в момент своей смерти она была в стельку пьяна.

В расследованиях убийств, а также при составлении психологического портрета преступника личность потерпевшего всегда играет большую роль. По этой причине в обоих случаях всегда нужно выяснять информацию о личности жертвы. Ведь нам важно знать, специально ли преступник выбирал свою жертву или ей просто не повезло оказаться не в том месте и не в то время. Про Агнес Брендель я мог сказать, что она любила выпить и пила много. Точнее говоря, она была алкоголичкой, а бары, которые посещала, имели не самую лучшую репутацию. Определение «компанейская женщина» подразумевало и то, что она много общалась с мужчинами и, по-видимому, была не очень разборчива в выборе своих

спонтанных половых партнеров. Для нашего расследования это означало, что преступник мог быстро и легко завязать знакомство с Агнес Брендель. Чтобы возбудить интерес этой женщины, достаточно было угостить ее парой бутылок пива.

Агнес Брендель жила в маленьком поселке со своим многолетним партнером Эгоном Финком, который был младше ее. В эпоху национал-социалистов квартал был окружен стеной и использовался как так называемое исправительное учреждение. Здесь под постоянным наблюдением жили так называемые асоциальные элементы, которым, согласно идеологии тогдашних властей, «надлежало прививать немецкие семейные ценности». Несмотря на то что на момент преступления эта стена уже давно была снесена, поселение еще не утратило своего замкнутого характера. Большинство социально незащищенных жителей знали друг друга, а значит, и Агнес Брендель. Это обстоятельство может оказаться полезным для дальнейшего расследования.

Про Агнес Брендель я мог сказать, что она любила выпить и пила много.

Однако, поскольку мне нужна была уверенность в том, что неизвестный труп действительно принадлежал Агнес Брендель, а мой опыт расследования криминальных преступлений говорит о том, что женщин часто убивает их нынешний или бывший интимный партнер, я для начала попросил двух своих коллег доставить Эгона Финка в участок для допроса. Описание партнерши, которое дал Эгон Финк, совпа-

ло с результатами вскрытия: низкий рост, искривленный позвоночник, наличие горба, зоб, отсутствие детей. Однако окончательное подтверждение того, что погибшей была именно Агнес Брендель, я получил лишь позже, после того как радиолог сравнил хранившиеся в больнице рентгеновские снимки ее позвоночника со снимками, сделанными при вскрытии. В начале 1980-х годов о возможностях, которые дает современный анализ ДНК с его точными методами обнаружения по крови, волосам или слюне, можно было только мечтать. Но тем не менее труп был четко идентифицирован как Агнес Брендель.

Когда я сказал Эгону Финку, что его партнершу убили, он испытал искреннее потрясение. Он понятия не имел, кто может быть преступником, и довольно грубо ответил:

«КТО-ТО ИЗ ПИВНУШЕК, Я УВЕРЕН. И МНЕ НЕИЗВЕСТНО, С КЕМ ОНА ТАМ БЫЛА. Я ТУДА НЕ ХОЖУ. НЕ ХОЧУ БЫТЬ ТАМ И СМОТРЕТЬ, КАК ОНА С КЕМ-ТО ОБЖИМАЕТСЯ».

Далее допрос Эгона Финка продвигался с трудом. Интеллектуально несильно одаренный, он с трудом мог вспомнить, когда в последний раз виделся с Агнес. Наверное, это было несколько дней назад. Точно до Нового года. Но скорее всего 29 декабря. В тот день, по его показаниям, его Агнес вышла из квартиры утром и, вероятно, вернулась после этого только один раз. На кухне она готовила рис для своих животных и кормила их. Наверное, она съела немного картофельного

салата, остатки которого все еще стояли на кухне.

«ДА, Я НЕ ВИДЕЛ ЕЕ НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ. Я БЫЛ НА РАБОТЕ. В ГАВАНИ. Я ТАМ ГРУЗЧИК».

Эгон Финк сказал, что беспокоился о своей партнерше, но тем не менее о ее исчезновении он не заявил. Он якобы утешал себя мыслью, что Агнес вернется к нему. Как она это уже делала в прошлом, когда вступала в спонтанные интимные отношения со случайными знакомыми.

Другие свидетели также описывали Агнес Брендель как женщину, находящуюся в постоянном поиске любви и счастья. Например, однажды она пожаловалась:

«ВСЕ ХОТЯТ МЕНЯ ИМЕТЬ, НО НИКТО НЕ ХОЧЕТ МЕНЯ ЦЕЛОВАТЬ!»

Странные, но очень показательные слова наводили на мысль о том, что ее знакомые мужчины искали с ней только секса, но никак не отношений.

Когда я спросил, не убивал ли он Агнес Брендель, возможно – во время ссоры, Эгон Финк вышел из себя. Он начал кричать и оскорблять нас.

«НЕТ, НЕТ. НИЧЕГО У ВАС НЕ ВЫЙДЕТ. Я НЕ ДАМ ВАМ ПОВЕСИТЬ НА МЕНЯ УБИЙСТВО. ПОИЩИТЕ КОГО-ТО ДРУГОГО!»

То, как Эгон Финк защищался от обвинений, показалось мне убедительным. У меня не сложилось впечатления, что он играет для нас. На всякий случай с его разрешения я

отдал распоряжение криминалистам осмотреть его жилище на предмет обнаружения возможных следов преступления. Обыск результатов не дал. Ни крови, ни орудия убийства, ни отрубленных частей тела. Ни единого доказательства того, что преступником был Эгон Финк. Поэтому нам пришлось полностью сосредоточить свое внимание на круге знакомых Агнес Брендель и их местонахождении.

Агнес Брендель была, можно сказать, белой вороной из-за своего странного поведения и необычной внешности.

Затем началась кропотливая следственная работа. Как уже упоминалось выше, необходимо было выяснить, чем именно занималась Агнес Брендель непосредственно перед смертью и где она находилась. Мы давали сообщения в прессу и опрашивали жителей их поселения и постоянных посетителей баров района. Вдобавок я изготовил плакат о розыске с фотографией Агнес Брендель, на котором стоял провокационный вопрос: «Кто убил Агнес Брендель?» Плакаты были расклеены по всему ее району, их раздавали в качестве листовок в магазинах и пивнушках. Как и надеялись, мы получили многочисленные наводки относительно того, где была Агнес Брендель за несколько дней до того, как нашли ее тело.

Показания свидетелей не всегда надежны. Особенно если преступление произошло давно или если информация поступает от завсегдаев пивнушек и пьяниц, которые часто

находятся в состоянии сильного алкогольного опьянения. Но на этот раз мы, кажется, могли доверять полученным показаниям: Агнес Брендель была, можно сказать, белой вороной из-за своего странного поведения и необычной внешности. К тому же преступление было совершено не так давно, а такие особые дни, как новогодние праздники, свидетели помнят обычно достаточно хорошо.

Многочисленные показания сформировали следующую картину.

Сначала днем 29 декабря Агнес Брендель сидела в одной забегаловке и пила пиво и шнапс с другими гостями. Около 17:00 она пошла в отделение сберегательной кассы, чтобы получить свои социальные выплаты, но оказалось, что ежемесячный платеж еще не был зачислен на ее счет. Около девяти часов вечера она зашла в другую забегаловку, где один посетитель пригласил ее выпить пива. Примерно через час они вместе покинули заведение.

В последующие дни многочисленные свидетели также видели Агнес Брендель и разговаривали с ней. Кто в ее квартире, кто на улице или в барах рядом с ее домом. Особо важную информацию я получил от непосредственного соседа жертвы. Он был у нее в квартире в канун Нового года около 10 часов вечера – они праздновали Новый год, распивая несколько бутылок пива. Но примерно через час он ушел. На вопрос, был ли у него секс с Агнес, он отреагировал возмущенно и ответил отрицательно. Эгона Финка дома не было. Позже его

коллега по работе подтвердит нам, что в это время тот выпивал с ним в его квартире.

После ухода соседа Агнес Брендель, по-видимому, не намеревалась дольше оставаться в своей квартире, поскольку примерно через полчаса одна свидетельница из поселения видела, как та отправилась в сторону центра города. Женщина была удивлена, поскольку про Агнес Брендель говорили, что она буквально «пустила корни» в своем районе и всегда посещала бары только рядом с домом.

Вообще складывалось впечатление, что Агнес Брендель вела себя беспокойно в новогоднюю ночь и очень много перемещалась с места на место. Около четырех часов утра она уже вернулась в свой район, и хозяйка одной забегаловки заметила, что та была сильно пьяна и что ее угощал шампанским какой-то гость. На вопросы, как долго Агнес Брендель пробыла в заведении и ушла ли она вместе со своим щедрым спутником, свидетельница ответить не могла.

Должно быть, Агнес Брендель недолго спала в то утро, потому что 1 января она рано вышла из дома. По крайней мере так сказал владелец продуктового магазина. Уже в 10 утра, покидая свое поселение, Агнес Брендель перекинулась с ним парой слов и пожелала счастливого Нового года. Мужчина был удивлен, что она встала так рано. По его мнению, она обычно в столь ранний час еще спит беспробудным сном в алкогольном угаре. И еще одна свидетельница, видевшая Агнес Брендель вскоре, была удивлена ее столь ранним про-

буждением. В итоге она предположила, что Агнес, вероятно, спешила утолить свою «жажду» в каком-нибудь кабаке. Нам не удалось установить, куда на самом деле направлялась Агнес Брендель и как она провела первый день нового года. Только около 17 часов ее в последний раз видела другая соседка – вероятно, та направлялась домой. Так Агнес Брендель сказала ей об этом, когда женщины остановились, чтобы перекинуться парой слов.

После этого данные о местонахождении Агнес Брендель до момента ее смерти отсутствовали. Неужели она действительно шла домой, как сказала соседке? Или случайно встретила своего будущего убийцу на улице и пошла с ним в его квартиру? Сначала мы не могли ответить на эти вопросы. Но до момента убийства не могло пройти много времени. Я успел получить экспертное заключение, в котором было установлено время смерти, согласно которому смерть Агнес Брендель наступила, вероятно, после обеда или ранним вечером 1 января.

Я поручил рассчитать время смерти приглашенному судмедэксперту. Он использовал совершенно новую для того времени методику, при которой учитывается взаимосвязь массы тела, состояния одежды, температуры окружающей среды и трупа в момент обнаружения тела с процессом остывания трупа. После смерти у человека останавливается обмен веществ и прекращается выработка тепла, его тело постепенно остывает, пока не сравнивается с температурой

окружающей среды. Однако после смерти температура тела остается на уровне 37°C еще в течение примерно двух-трех часов. Затем она снижается примерно на 1°C в час. Этот метод определения времени смерти, еще новый в то время, сегодня уже давно стал стандартным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.